

АЛАНЫ-ОСЕТИНЫ В РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В разделе «Критика и библиография» редколлегии предлагает проект «Аланы-осетины в российской и зарубежной историографии», в котором будет представлена серия обзорных статей с анализом трудов дореволюционных, советских и современных российских и зарубежных ученых.

К сожалению, в последние годы аланская тематика оказалась в плоскости не только научных изысканий, но и опасных политических проектов и идеологических манипуляций. Число лженаучных исследований неуклонно нарастает и агрессивно вторгается в общественно-политическую жизнь региона, поэтому академическая наука должна стать заслоном историческим и культурным фальсификациям, невежеству и фанатизму.

Историко-культурное наследие как комплекс культурных, религиозных, идеологических факторов интегрировано во многие сферы жизнедеятельности социума, поэтому общество остро реагирует на провокационные социально-культурные проекты, основанные на аланском наследии. Впрочем, трудно не заметить незапланированный, но вполне реальный позитивный результат политических спекуляций — пробудившийся широкий интерес к истории народа и появление многочисленных вопросов к историкам со стороны самого общества.

Отвечая на этот запрос, редколлегии журнала «Известия СОИГСИ» предлагает историографический проект, который даст представление об основных этапах исследования проблемы алано-осетинской преемственности, позволит оценить современное состояние изученности проблемы, определить перспективные направления и темы, способствовать объективным научным исследованиям.

DOI: 10.23671/VNC.2019.71.31187

АЛАНЫ-ОСЕТИНЫ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А.Л. Чибиров

Одно из могущественных племенных объединений древности, аланы, всегда будоражили воображение исследователей. Они оставили значительный след в истории, военном деле, культуре не только в ареале своего формирования — южнорусских степях, но и на территории Европы, в истории и культуре раннего средневековья только зарождающейся западноевропейской цивилизации, куда под мощным натиском хуннов (гуннов) большая часть их была вынуждена мигрировать. Оставшаяся же часть образовала на Северном Кавказе и в Предкавказских степях раннефеодальное государство Алания. Помимо прочего средневековые аланские племена играли в общекавказской и европейской истории значимую роль. Ярким примером этому могут служить мифы и предания о происхождении европейцев. Данная статья является кратким историографическим обзором практически всей существующей источниковедческой литературы, в которой четко прослеживается алано-осетинская преемственность. Исследователи — приверженцы подобного взгляда на проблематику при изучении вопроса опирались на несколько основных маркеров — осетинский язык, уходящий корнями в индо-иранский мир, Нартовский эпос и другие, ярко выраженные элементы духовной культуры осетин.

Ключевые слова: аланы, осетины, яссы, Миллер, Потоцкий, Клапрот, Гакстгаузен, Шёгрэн, Шафарик, Пфаф, Лавров, Ковалевский, Кулаковский.

История древних народов всегда прикрита завесой тайны. Многочисленные исторические источники, рассказывающие о жизни, быте и культуре царств, народов и кочевых племен древности не всегда отличались конкретикой, полнотой и точностью описываемых фактов. Порой, чтобы собрать мозаику этнической истории того или иного народа, приходилось по крупицам сопоставлять различные данные, находящиеся в плоскости культуры, истории, географии, археологии, этнологии, топонимики, антропологии и даже мифологии.

Одно из могущественных племенных объединений древности, аланы, всегда будоражили воображение исследователей. Они оставили значительный след в истории, военном деле, культуре не только в ареале своего формирования — южнорусских степях, но и на территории Европы, в истории и культуре раннего средневековья только зарождающейся западноевропейской цивилизации, куда под мощным натиском хуннов (гуннов) большая часть их была вынуждена мигрировать. Оставшаяся же часть образовала на Северном Кавказе и в Предкавказских степях раннефеодальное государство Алания.

Военное дело римлян, катафрактарии, предания о короле Артуре, аланские боевые псы, аланские лошади — это лишь малая часть аланского наследия Европы. Многие артефакты, свидетельствующие о разных периодах истории алан, затерялись во времени, а другие ждут своего часа в различных европейских архивах. Несомненно, нас еще ожидают открытия в области археологии. Однако и тот исторический материал, который сохранился до наших дней, достаточен для того, чтобы свидетельствовать о важной роли, которую играли средневековые аланские племена в общекавказской и европейской

истории. Ярким примером этому могут служить мифы и предания о происхождении европейцев. Так, подчеркивая значимость аланского наследия в Западной Европе и влияния алан в целом на раннюю европейскую культуру, Б. Бахрах в своей работе «Аланы на Западе» ссылается на средневековую армориканскую легенду, согласно которой родоначальником Европы был Аланус [1, 6]. Продолжая тему, известный археолог В. Б. Ковалевская пишет, что «характеризует отношения древних авторов к Аланам тот факт, что автор составленной в IX в. *Historia Brittorum*, Ненний, эпонимом (родоначальником) Европы называет Алана (Алануса), вводя его в библейский генеалогический ряд» [2, 74]. Согласно преданию, этот персонаж был сыном Яфета, внуком Ноя, и являлся предком бретонцев, бургундов, готов, франков, вандалов и т.д. Второе предание провозглашает Алануса предком бретонцев, возводя его к Энею из Трои и к Яфету.

Однако уже тогда предпринимались попытки переписать историю и даже интерпретировать мифологию в интересах вновь возникающей элиты социальной структуры в условиях меняющейся политической конъюнктуры. Политические реалии любого времени требовали соответствующего мифологического сопровождения. К примеру, искажение, а то и просто замалчивание роли сарматов и аланов в исторических процессах в Европе началось в период, когда название *Алан* громко звучало на всем континенте. И неизвестно, чего в этом звучании было больше по отношению к аланам — страха, ужаса, ненависти или восхищения. Французский исследователь Ярослав Лебединский отмечает, что «роль алан несомненна в истории Галлии в период Великого переселения народов, именно в решающую эпоху перехода от Галлии

римской сначала к римско-варварским королевствам, а затем и к меровингской Франкии. Безоговорочна и их культурная экспансия на страну, которая впоследствии должна была называться Францией, а аланы (пусть даже в малой пропорции) входят в число предков французов» [3, 87-188]. Впоследствии во французской исторической традиции роль алан стала замалчиваться. Они не только оказались в забвении французской исторической памяти эпохи Великого переселения народов [3, 89], но и стали народом, история которого подвергалась безжалостному искажению.

К примеру, согласно В.Б. Ковалевской, дальнейшее «игнорирование роли Алан в истории Западной Европы связано с Франкской исторической традицией, начиная с Фредегара, который имя Алан заменил на Франка» [2, 74]. Согласно анонимной «Книге истории франков» франки получили свою независимость от Рима, или были освобождены от дани в награду за победу над аланами, обитавшими на Азовском море. Между тем, исторические хроники молчат по поводу войны между франками и аланами. Более того, аланы впервые соприкоснулись с франками только в начале V в. (406-407 вв.), когда передовые отряды алан форсировали замерзший Рейн [3, 171]. И все же причины для подобных искажений фактов в раннефранкских источниках были разными. К примеру, аланы во главе с Респендиалом, перешедшие реку Рейн, прошли по всей Галлии огнем и мечом, практически уничтожая все на своем пути. Вполне объяснимо желание франков вытравить из своей памяти все, что было связано с аланами, принизить их значение в истории страны, дабы отомстить аланам за нанесенные поражения. Отголоски мнимых побед над аланами полумифического короля франков Меровея обнаруживаются в романе Оноре д'Юрфе «Астрея», опубликованном в начале XVII в. [3, 172]

Современные фальсификаторы истории преследуют совершенно иные цели. В последнее время на Северном Кавказе наблюдается тенденция политизировать «аланский вопрос». В центре внимания мифотворцев от науки оказываются аланы, образовавшие в раннем средневековье крупное политическое объединение на Северном Кавказе. Его история обстоятельно изучена не только отечественной, но и зарубежной историографией, в первую очередь по археологическим и этнографическим материалам, а также по многочисленным письменным источникам.

Естественно, что аланское влияние распространялось в Центральном и Северо-Западном Кавказе на народы, с которыми они соприкасались в его предгорьях, и аланы косвенно являются частью истории, прошлого народов Кавказа. Подобно тому, как и могущественное племя хазар, частью объединения которых в свое время являлась Алания. Однако прямыми потомками аланских племен, аорсов и сираков, оставшихся в регионе после нашествия гуннов (хуннов), следует считать осетин. Это мнение давно утвердилось в мировой исторической науке, и не существует аргументированных предпосылок для его пересмотра. Все исследователи, приверженцы подобного взгляда на проблематику, опирались на два основных маркера — осетинский язык, уходящий корнями в индо-иранский мир, и Нартовский эпос наряду с другими ярко выраженными элементами духовной культуры осетин, в которых четко прослеживается преемственность со скифо-сармато-аланской культурой.

Переписать историю в локальном масштабе, игнорируя огромный пласт источников и исследований, составивших солидную источниковую базу, формирование которой началось в конце XVIII — начале XIX в., невозможно. Важно отметить, что идея алано-осетинской

преемственности появилась вовсе не в осетинском научном сообществе.

Впервые в научной литературе концепция о генетической связи осетин с аланами была озвучена **Герхардом Фридрихом Миллером**, русским историком, профессором и членом Санкт-Петербургской Академии наук. В своей работе «О народах, издревле в России обитавших», изданной в 1773 г., он высказал мнение о родстве *осетин* с раннесредневековым аланским племенем *ассы*. Говоря о том, что «Алане были Готский народ», он далее продолжает: «Карпини и Рубрук в тринадцатом веке упоминают об аланах, коих они при путешествии своем находили. Первый равняет их с черкасами, и дает им прозвание Ассы, которое, кажется в сродстве с нынешними Оссетами» [4, 18].

Далее, в 1802 г. польский ученый и путешественник **Ян Потоцкий** издал в Санкт-Петербурге книгу на французском языке, под названием «Начальная история народов России», в которой автор специально рассматривал вопрос о происхождении осетин. Почетный член Императорской Академии Наук Я. Потоцкий занимался древней историей народов России, в том числе и в контексте скифской проблематики. Согласно его выводам, осетины являются ветвью алан-асов, потомками «осилов» Птолемея, «сарматов-мидян» Диодора Сицилийского и Плиния [5]. Глава, в которой говорилось о происхождении осетин, впоследствии вошла в двухтомный труд Потоцкого «Путешествие в астраханские степи и на Кавказ». Этот двухтомник был опубликован в Париже в 1829 г. уже после смерти автора по инициативе и под редакцией Юлиуса Клапрота [6].

Известный немецкий востоковед первой половины XIX века **Юлиус Клапрот** не является пионером в установлении и изучении осетино-аланских взаимосвязей, однако в исторической науке приня-

то считать за точку отсчета именно его взгляд на проблему этногенеза осетинского народа. В начале XIX в. Клапротом было выдвинуто утверждение о генетической связи осетин с аланами — одним из крупнейших ираноязычных племенных объединений древности, которое как античные, так и средневековые историки и географы с I в. н.э. прочно локализируют на Северном Кавказе. Дальнейшие исследования лишь показывали верность этой концепции.

В 1812-1814 гг. Клапрот издает в Германии два тома «Путешествия на Кавказ и в Грузию, совершенных в 1807-1808 гг.», в которых впервые было высказано предположение о генетической взаимосвязи ираноязычных осетин со скифами, сарматами и аланами. Позже, в 1822 г. в Париже отдельной брошюрой была издана его же работа («Mémoire dans lequel on prouve l'identité des Ossètes, peuplade du Caucase, avec les Alains du Moyen-Âge». *Annales des Voyages*. XVI. 1822), в которой ученый в развернутой форме еще раз обосновал выдвинутые им доказательства идентичности алан с осетинами. Статья Ю. Клапрота в последующем и будет считаться доказательством его приоритета в этой области. Согласно его утверждению, в VII в. до н.э. скифы переселили «одну колонию мидийцев в Сарматии, страну, расположенную в северной части Кавказа... Современные осетины происходят от этой колонии...» [7, 175]. При этом он отмечал генетическую преемственность средневековых алан и позднейших осетин (осетины — «это одновременно и аланы» [7, 176]).

Справедливости ради необходимо отметить, что до начала XIX в., т.е. до фундаментальных работ Клапрота, четкой ясности в вопросе этногенеза осетин среди интересантов не существовало. Так, М.В. Ломоносов предками осетин считал или славян, или финно-угров; в своем труде «Древняя российская история»

(1766 г.) он относил ясов и алан к «словенскому либо чудскому поколению». Протопоп Иоанн Болгарский в донесении 1780 г. архиепископу астраханскому и ставропольскому Антонию писал, что невозможно точно узнать, откуда или от кого именно произошли осетины [8].

Практически ничего не говорится об осетинах и в первом сводном труде о народах России, автором которого был **Иоганн Готлиб Георги** (1776). А в «Историогеографической записке...» в разделе «Оссы или осетинцы» лишь указано, что история их покрыта неизвестностью [9].

Одной из причин столь большого интереса среди исследователей к осетинам как этносу следует считать резкое отличие осетинского языка от языков других народов Северного Кавказа, что не могло не породить совершенно фантастических на первый взгляд теорий о происхождении осетин. Так, **Иоганн Антон Гильденштедт**, который путешествовал по Кавказу в 1770 и 1773 гг., считал осетин остатками половцев, бежавших якобы после поражения в битве с русскими войсками, возглавляемыми Владимиром Мономахом, в 1111 г. у притока реки Дон в кавказские горы [10]. Версий этногенеза осетин было предостаточно (некоторые исследователи всерьез считали их потомками этрусков), однако они не получили развития ввиду отсутствия каких-либо перспектив научного обоснования.

На этом фоне теория Клапрота оказалась наиболее привлекательной в силу своей ясности и четкости формулировок. К концепции Потоцкого и Клапрота примыкал и швейцарский археолог, этнограф и натуралист **Фредерик Дюбуа де Монпере**, посвятивший этнической истории осетин специальную главу в IV томе своего труда «Путешествия вокруг Кавказа» [11]. Монпере рассматривал «алан, асов и иронов-осов» как родственные между собой племена, тремя разновременными волнами переселившиеся на Кавказ.

Август Гакстгаузен, вслед за Герхардом Миллером, придерживался германской теории происхождения осетин, но считал, что осетины происходят от готских и других германских племен, разбитых гуннами и укrywшихся в горах Кавказа. По его мнению, готы, укrywшиеся в горах Кавказа, подчинили себе «первоначальных кавказских жителей, осетинов и аланов», заимствовали их язык и образовали вместе с ними новый народ [12].

Андрей Михайлович Шёгрэн, в развитие идей Ю. Клапрота, доказывал ираноязычность осетин лингвистическими аргументами, им была создана первая грамматика осетинского языка, специальный алфавит на основе кириллической системы письма [13].

Еще одна теория принадлежит французскому ученому **Вивьену де Сен-Мартену**, который считал, что аланы появились на Северном Кавказе в результате миграции из Согдианы и Арала в I-III вв. н. э. [14, 168] Сен-Мартен связывал появление осетин на Северном Кавказе со скифским вторжением в Закавказье в VII в. до н. э., видя отражение этого события в сообщении грузинских источников о нашествии «хазаров». Так же как и другие исследователи до него, он отождествлял хазар со скифами. Согласно Сент-Мартену, предками осетин были исседоны, которые «еще во времена Митридатовых войн должны были находиться на Кавказе» (цит. по: [15]). Относя осетин к ираноязычным народам, Сен-Мартен рассматривал их как поселенцев, внедрившихся в среду древнего населения Кавказа, которое по отношению к осетинам «может рассматриваться как аборигенное». Вместе с тем, он категорически утверждал, что аланы не являются тем же народом, что и кавказские асы, считая, что в определенную эпоху «аланы покорили страну асов, вследствие чего соседние народы стали обозначать покоренный народ именем победителей. Однако обе народности

не перестали быть различными с этнографической точки зрения, потому что сила оружия постепенно сблизила их между собой». В то же время Сен-Мартен придавал большое значение изучению «осетинского языка, вне всякого сомнения, самого важного из языков Кавказа из-за его связей с основными языками Европы и Азии большой индоевропейской группы». Французский ученый весьма комплементарен к Клапроту, исследования которого, по его мнению, «привлекли внимание ученых Европы к одному из самых замечательных народов тамошних высокогорий, к жителям Осетии». Однако он не преминул подчеркнуть, что «этот ученый допустил большую ошибку, одновременно историческое и этнологическое смешение, идентифицируя кавказских ясов и алан, которые завладели Осетией в первые века нашей эры». Сен-Мартен высказывался и против этнонима *осетины*. «Это название, постоянно употребляемое г-ном Шёгреном, так же как и Клапротом и всеми другими русскими, немецкими и французскими авторами, тем не менее, не является подлинным этнонимом: это слово совершенно неправильного образования... грузины всегда называли иронов осами, а их страну Осетией, добавляя к названию народа окончание, которое в грузинском языке служит для обозначения территории в целом. Осетия, таким образом, означает страну, а не народ. Но русские, в свою очередь, придали этому слову форму «осетинцы», жители Осетии, а другие народы Европы переняли эту форму, смягчили ее и сделали из нее название «осеты», которое и закрепилось в употреблении» [14].

Теория аланского происхождения осетин все более утверждалась среди мировой научной общественности, находя новых приверженцев, хотя сомнения по поводу ранних периодов истории осетин все еще оставались. Так, в 1836 г был издан большой коллективный труд под

названием «Обозрение Российских владений за Кавказом», в котором автор раздела «Осетины» **Александр Григорьевич Яновский** с сожалением отмечал: «Нет никаких источников, из которых можно бы вынести заключение о населении Осетии в разные эпохи». Однако далее в работе сказано, что все осетины, и северные и южные, «одного происхождения, имеют собственный язык». Издатель книги В. Легкобытов в комментариях к ней привел идею Клапрота о «мидо-аланских» корнях осетин, и обратил внимание на то, что аланы арабских географов жили там же, где и аланы Птолемея и Иосифа Флавия, и «где ныне живут Осетины». Следовательно, и в начале н.э., и в XIV в., и в XIX в. народ этот оставался «там же, и что поэтому не без основания Осетины могут быть признаны Кавказскими Аланами средних веков» [16, 186-187].

Примерно в это же время **Иоганн Бларамберг** завершает работу над своим фундаментальным трудом о горских народах. Касаясь происхождения осетин, он, вслед за Ю. Клапротом и В. Легкобытовым, назвал их потомками «сармато-мидийцев» и «алан». И. Бларамберг использовал свидетельства Константина Багрянородного, Иосафата Барбаро, древнерусские летописи, сочинения армянских авторов, арабских историков и географов, грузинские хроники. Несмотря на весьма критичный подход к указанным источникам, он все же пришел к выводу о тождестве алан и осетин [17].

Значимыми для осетиноведения первой половины XIX в. являются работы словацкого и чешского слависта **Павла Йозефа Шафарика**, автора фундаментальной работы «Славянские древности» (1847), который также коснулся вопроса происхождения осетин. П. Й. Шафарик полностью отождествлял осетин с аланами, рассматривая последних в тесной связи с языгами и роксоланами. Называя алан «сильным народом Сарматского

племени», он писал об их происхождении: «Этот народ начинает показываться из Скифской и Савроматской тьмы в первый раз в конце I в. по Р. Хр., но в Азиатской истории память о нем идет далее в древность». В другом месте ученый высказался более определенно: «Главное местопребывание этого древнего народа было за Доном, в степях между Меотидой, Кавказом и Хвалынским (Каспийским. — ред.) морем, а колыбель его — Мидо-Персия, из коей долгое время выходили в Европу многочисленные полчища его, известные под именем Роксалан, Язигов и Алан...» Касаясь проблемы соотношения алан с осетинами, Шафарик подчеркнул: «Нынешние Аланы, обитающие в Северной части Кавказских гор, называют сами себя Ирон, а землю свою — Иронистон, напротив того Грузинцы именуют их Осами или Овами, землю их — Осетией, русские же — Асами, Осетинцами (Осами, Осетинцами)» [18].

В целом к середине XIX в. сложилось довольно прочное мнение не только о происхождении осетин от алан, но и о корнях самих алан. О степени распространения этих знаний свидетельствует пример митрополита Макария, который в своей «Истории русской церкви» говорил о «многочисленных свидетельствах древности о наших аланах, об их родстве с царскими скифами Геродота, об их тождестве с массагетами, сарматами и проч.» [19].

Во второй половине XIX в. на Кавказе появляются новые периодические издания, которые довольно подробно освещают жизнь горцев («Сборник сведений о кавказских горцах», «Сборник сведений о Кавказе», газета «Терские ведомости» и др.). Именно в этих сборниках появляются статьи «Материалы для древней истории осетин», «Народное право осетин», в которых член Кавказского отделения Императорского Русского географического общества **Вальдемар Пфаф** предпринял

первую попытку систематизированного написания истории алан-осетин с древнейших времен до крестьянской реформы 1861 г. Однако выводы, которые делал Пфаф по следам своих экспедиций в Осетию, не всегда можно назвать научными. Гипотезы Пфафа по видению исторического прошлого Осетии порой страдали необоснованным разнообразием, при том, что он не особо заботился об их подтверждении историческими данными, что приводило к серьезным ошибкам в выводах. К примеру, по его мнению, «осетины, по своему происхождению иранцы и принадлежат к той ветви мидо-персидского племени, которая в Европе известна под названием сарматов». Свой вывод Пфаф обосновывал этимологией названий крупнейших южнорусских рек, которые объясняются из осетинского языка, самоназванием осетин «ирон», наличием в осетинском языке индоевропейских слов, некоторыми якобы «арийскими» обычаями и, наконец, наружностью осетин. Вывод Пфафа о прямой генетической связи осетин с древними сарматами вполне обоснован. Однако тут же Пфаф утверждает, что «осетины никогда не были чистыми сарматами, — они уже в глубочайшей древности перемешались со многими другими племенами, прежде и раньше всего с каким-то семитическим племенем» и что «в этнологическом отношении осетины представляют странную и поэтому в высшей степени интересную смесь еврейских и мидо-персидских элементов, с заимствованиями от других народностей, с которыми они в продолжение своей многовековой истории бывали в соприкосновении» [20, 2-8].

Не осталась незамеченной эта непоследовательность в выводах и для редакции издания «Сборник сведений о кавказских горцах», где печатались материалы Пфафа. В рецензии к его работам указывалось, что в них «не видно полного основания для принятия тех выво-

дов и предложений, к которым приходит автор» [20, 23]. В целом суть претензий у исследователей к Пфафу сводилась к следующим моментам. Пфаф подменил конкретный анализ этногенеза осетин общими рассуждениями об их ираноязычных предках (сарматах, аланах) и «совершенно фантастическим» утверждением о синтезе иранцев-осетин с семитами в XV в. до н.э. Согласно Ю.С. Гаглойти, утверждение Пфафа о смешении осетин-иранцев с семитами около XV в. до н.э. не подтверждается абсолютно никакими историческими данными [5, 16].

Справедливо рассматривая Нартовский эпос как ценный источник, Пфаф в трактовке фольклорных сюжетов был чересчур прямолинеен, ошибочно приняв нартов за реально существовавший народ. Пфаф отождествляет легендарных нартов осетинских сказаний с воинственным народом мардов, живших, по данным древних авторов, на южном берегу Каспийского моря и в горах Эльбруса. По его мнению, эти марды (нарты-осетины) «могли перенести название Эльбрус на высочайшую вершину Кавказа, около которой они, вероятно, впервые поселились» [5, 16]. Однако следует учесть, что, согласно исследованиям специалистов, нарты являются фольклорным отражением предков осетин: скифов, сарматов, алан. Большинство сюжетов эпоса осетин имеет аналогии из истории и быта ираноязычных племен юга России (см. работы Ж. Дюмезиля и В.И. Абаева). Помимо этого Пфаф значительно расширяет круг ираноязычных предков осетин и пишет, что предки последних «принадлежали к великой семье народов, населявшей вместе с некоторыми семитическими племенами, Иранское плоскогорье и, вероятно, называвшие себя общим именем или Ирон, или Ары (арии Геродота)». Он также не противопоставляет друг другу алан и осов и правильно отмечает наличие двух волн ираноязычных племен на Се-

верном Кавказе. Пфаф считает, что в конце I в. до н.э. — начале I в. н.э. приходят в движение кочевые народы, населявшие Туранскую низменность и часть среднеазиатского плоскогорья. В числе первых в Европу пришли аланы — «потомки той ветви древних массагетов, которые уже во время Кира обитали в степях, на восточном берегу Каспийского моря». Аланы вторглись на Северный Кавказ, где тогда уже обитала «другая ветвь громадного мидо-персидского племени, известная здесь под названием осов или нартов. Так как осы говорили на том же языке и, вероятно, придерживались, вследствие общего происхождения, тех же обычаев, как и аланы, то последние легко с ними могли смешаться и составить один народ» [5, 16].

И все же, несмотря на то, что ценность работ В. Пфафа, в которых был собран почти весь доступный в то время материал, в значительной мере снижалась не подтвержденными фактическими материалами, произвольными построениями, они имели определенное значение в повышении интереса к изучению далекого прошлого осетинского народа. К бесспорным заслугам автора следует отнести первую в литературе широкую и разностороннюю характеристику социальных отношений у алан-осетин [21].

Нельзя не отметить и работы, посвященные Осетии и осетинам, другого русского исследователя **Д. Я. Лаврова**. Его работа под названием «Исторические сведения об Осетии и осетинах» была опубликована в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» в 1883 г. в Тифлисе. Материал, предоставленный автором, весьма интересен для анализа, и представляет неожиданные версии этногенеза осетин. В частности со ссылкой на ученого Шопена, который занимался сбором историко-филологических сведений относительно прошлого осетин, он пишет, что «названия «оссы,

осси» как прототип «осетины» и «ироны» как производное от «ир» представляют слова-названия, имеющие один исторический источник своего происхождения. Так, г. Шопен сообщает, что древнейшие китайские летописи упоминают о народе «ир» названном впоследствии (не ранее 2300 л. до Р. Х.) на зендском и санскритском наречиях «и-ры; а-и-ры», по некоторым произношениям, «виры», откуда и латинское *vir*. Эти виры или иры поклонялись зодиакальному тельцу Оссу». В VII в. до Р. Х. скифы во время вторжения в Азию захватили в плен целую колонию иров и поселили их на севере Кавказа, где обитали «поклонники коня» [22]. Еще одна версия, приведенная Лавровым, говорит о тождестве оссов-осетин с Геродотовыми исседонами [22, 449]. Помимо прочего, Лавров приводит следующий исторический факт: «Помпей, разбивший Митридата Понтийского, настойчиво преследовал его через земли осетин-аланов и Кавказские ворота. Аланы, собравшие 60 тысяч пехоты, и 22 тысячи конницы хотели было отразить дальних иноземцев, но были разбиты. Римские войска в числе сражавшихся аланов-осетин заметили много женщин. Последнее обстоятельство ввиду существовавшего у древних народов сказания об амазонках было причиной того, что римские солдаты некоторые из найденных после сражения предметов одежды и вооружения признали амазонскими» [22, 455].

К проблеме этногенеза осетин не оставались равнодушными также представители грузинской интеллигенции, о чем можно судить по статье **Ильи Чавчавадзе**, опубликованной в номере 13 газеты «Иверия», и посвященной этнической принадлежности осетин. Разбирая и анализируя существующие теории по этому вопросу, И. Чавчавадзе выступает в этой статье как сторонник сарматского происхождения осетин [23].

Крупнейший представитель россий-

ской науки конца XIX и начала XX в. **Всеволод Федорович Миллер** в 1879-1886 гг. совершил шесть научных экспедиций в Осетию, основательно овладел языком, записывал фольклорные памятники, изучал быт и верования народа. В ходе работы над историей он широко использовал данные таких нетрадиционных источников как лингвистика, топонимика, нумизматика и др., стремясь извлечь из них хотя бы «долю подлинной исторической истины». Нет необходимости в анализе всех его работ, поэтому в контексте озвученной темы мы обратимся лишь к третьей части фундаментального труда, в которой рассмотрены вопросы древней и средневековой истории алан. Именно в третьем томе Миллер убедительно обосновал генетическую связь между кавказскими аланами и осетинами, приведя доказательства того, что имя кавказских алан распространялось на предков осетин. Рассматривая древние и средневековые периоды жизни «оссов» (алан), В. Ф. Миллер детально остановился на вопросе исторической этнонимии и доказал принадлежность этнонимов *ос*, *алан* и *яс* к одному и тому же народу [24]. Опираясь на солидную источниковую базу, он пришел к убеждению о принадлежности языка осетин «к иранской группе индоевропейской семьи»; предки осетин «входили в состав тех иранских кочевых племен, которые были известны за многие столетия до Р. Хр. под именем сарматов и отчасти скифов...» [24, 100-101]. Исходя из лингвистических и исторических данных о времени появления древних предков осетин на Северном Кавказе, Миллер считал, что они «входили в состав тех иранских кочевых племен, которые были известны за многие столетия до н.э. под именем сарматов и отчасти скифов и занимали припонтийские и приазовские степи на протяжении от нижнего Дуная до Волги и Урала». Время появления ираноязычных племен в

причерноморских и приазовских степях Миллер относил, по меньшей мере, к X в. до н.э. Указывая на генетическую связь алан с сарматами и скифами, он в то же время высказывал предположение о возможности сближения с ними массагетов. Это положение Миллера подтвердилось последующими исследованиями. В другой работе ученый писал, что осетины являются остатком большого иранского племени, в классическую древность известного под именем понтийских скифов и сарматов, а в средние века — под именем алан. Проанализировав весь пласт античных, древнеармянских и древнегрузинских исторических памятников, Миллер, по сути, воссоздал жизнь аланских племен I-IV вв. [25] «Осетинские этюды» Миллера бесспорно являются достоянием мировой науки и до сих пор вызывают большой интерес.

Разбирая возможные маршруты движения предков осетин на «их местожительства на северокавказской плоскости и в горах», Миллер писал: «У нас нет ни одного прямого исторического указания» на эту тему, поэтому «остаётся прибегнуть к данным языка, к рассмотрению культурных слоев и спросить себя, не сохранилось ли в них каких-нибудь следов пути, которым шли предки осетин, прежде чем водворились на Северном Кавказе». Предпринятый анализ осетинских названий металлов убедил ученого в том, что аланы «должны были двигаться не с юга... а с севера, близ обильных металлами отрогов Урала...» [25, 11-12]. Многие исследователи придерживаются этой точки зрения [19, 18].

Важным событием для отечественного кавказоведения стало издание трудов известного общественного деятеля, ученого, академика императорской Санкт-Петербургской академии наук **М. М. Ковалевского**. Помимо фундаментальных исследований в области древнерусской старины, средневековья, фео-

дализма и ряда других, закрепивших за ним славу «выдающегося русского ученого», М. М. Ковалевский очень живо интересовался и прошлым осетинского народа. В монографии «Современный обычай и древний закон» [26] он намеревался «объяснить фактами из быта этого народа многие вопросы древнего права». В предисловии к основному тексту Ковалевский остановился на ранне-средневековом периоде истории осетин. По убеждению Ковалевского, Миллеру окончательно удалось обосновать тот взгляд, что осетинский язык принадлежит к иранской ветви арийских языков. Согласно Ковалевскому, иранское происхождение осетин, «доказанное В. Миллером лингвистическими данными», нашло подтверждение в письменных источниках и археологических материалах. В давние времена на Северном Кавказе появились «кочевья Иранцев... в их числе были *Аланы*, отождествляемые нередко средневековыми писателями с народом *Асси* или *Яссы* наших летописей, иначе говоря, с осетинами». Мысль о тождестве алан и осетин показалась Ковалевскому настолько значимой, что он повторил ее еще раз: «показания грузинских летописцев о древности Осетин находят себе решительное подтверждение в однохарактерных свидетельствах древних писателей об Аланах». В современных себе осетинах исследователь видел «уцелевший остаток многочисленных иранских поселений, какие расположены были некогда в Южной России». После нашествия монголов и Тимура они отошли в горы, где нашли «одновременно благоприятные условия для сохранения своей независимости и препятствия своему численному размножению» [26, 11-12, 15-21].

В контексте теории, предполагающей принадлежность осетинского языка к иранским, следует упомянуть и работы немецких ученых **Генриха Хюбшмана** [27] и **Карла Мюлленхоффа** [28]. Послед-

ний рассматривал осетин как потомков древних сарматов, связующим звеном между которыми он называл алан.

Бесспорным прорывом в осетиноведении, наряду с трудами В.Ф. Миллера, стала работа «Аланы по сведениям классических и византийских авторов» известного русского ученого, филолога-классика и историка **Ю. А. Кулаковского**. В своей книге он проследил в общих чертах политическую историю алан от времени их появления на европейской арене до монголо-татарских походов, а также счел необходимым подчеркнуть актуальность исследования истории ираноязычных племен Кавказа, «так как судьбы алан составляют часть до-русской, если можно так выразиться, истории нашей родины» [29]. Касаясь проблемы этногенеза, ученый ограничился лишь констатацией того, что осетины — «потомки и остаток древних алан». Он также посвятил специальную работу проблеме распространения христианства у алан [30].

Интерес к алано-осетинской проблематике не ослабевал у западных ученых и к началу XX в. К примеру, представитель немецкой исторической школы ученый Я. Шарпантье в своей статье «Этнографическое положение тохаров», опубликованной в 1917 году, определяет современных ему осетин не потомками, но «соплеменниками» средневековых алан. Вместе с тем он отмечает, что «Осетины, как самостоятельная часть большого аланского народа со своих насиженных мест в Трансоксиане и Согдиане попадают на Кавказ через юг Каспийского моря; в то время, как собственно аланы шли из Киргизских степей и Поволжья в области на Кубани и Тереке» [15, 363]. Шарпантье был глубоко убежден в центральноазиатском происхождении как осетин, так и алан, и фактически развил точку зрения Сен-Мартена, утверждающего, что аланы и осетины были близкородственными,

но разными народами. Аргументация его сводилась к следующему: «их грузинские соседи всегда строго различали Алан-ети и Ос-ети; Константин Порфирородный упоминал алан, управляемых собственным царем, и асов (осетин) внутри Кавказа, среди которых находилось несколько вождей племен (Stammeshauptlinge); арабскому автору Масуди (943 по Р. Хр.) также казалось необходимым проводить различие между аланами на севере и осетинами внутри Кавказа» [15, 363-364].

Но, как справедливо полагает **Ю. С. Гаглойти**, эти аргументы весьма уязвимы: «Осами грузинские летописи и историки в разное время называли скифов, сарматов, алан и осетин. Иными словами, грузинская историография ставила знак равенства между названными этносами, тем самым признавая преемственность ираноязычных скифов-сарматов-алан-осетин. Константин Багрянородный, в действительности, различает не «царей алан» и «вождей осов» (как об этом писал Шарпантье), а «эксусиократора» Алании и «архонта Азии», контролировавшего Дарьяльский проход» (цит. по: [19, 17]). Современные специалисты в «эксусиократоре» единодушно видят царя Алании. Отношения эксусиократора Алании и архонта Азии сопоставимы, очевидно, с отношениями великого князя и местных князей Киевской Руси X в. Что касается Масуди, то в доступных нам переводах его трудов обнаружить противопоставление алан и осетин не удалось. Появление алан в Юго-Восточной Европе Шарпантье относил к I в. н.э.: «первыми классическими авторами, упоминавшими их (алан) имя, были Сенека и Лукан. К этому времени имя народа было уже довольно хорошо известно в Риме». Далее цитируется рассказ Иосифа Флавия о том, как император Тиберий спровоцировал алан к нападению на Парфию. Аланы, «перейдя Главный Кавказский хребет, разорили Армению и Мидию; с

этим сообщением вполне оправдано сопоставимы заметки Тацита о сарматах». Уже тогда часть алан находилась «в устье Волги и далее южнее на Тереке и Кубани, где в средние века располагалось, собственно, Аланское государство» [19, 18]. Далее Шарпантье, обращаясь к свидетельству Плиния о связи алан с роксоланами, последний этноним трактовал как «аланы на Волге», усматривая в первой части названия племени *Rox-alani* иранское название р. Волги [15, 360]. Помимо прочего интересны и маршруты, по которым, согласно Шарпантье, ираноязычные племена мигрировали из Средней Азии. Согласно ему, в то время как аланы через каспийские степи двинулись в Европу, предки осетин («часть древнего аланского народа») «пошли южным путем и через Гирканию пробивались далее на Центральный Кавказ» [19, 18]. Концепцию Сент-Мартена — Шарпантье об аланах и осетинах как родственных, но различных частях одной этнической группы, в разное время и разными путями переселившихся на Кавказ, Ю.С. Гаглойти справедливо объясняет стремлением исследователей согласовать взаимно исключающие, казалось бы, факты. Это — пребывание осетин (осов грузинских летописей) на Кавказе с древнейших времен, идентичность алан и осетин и, вместе с тем, появление этнонима «аланы» в античных источниках лишь в I в. н.э. Не найдя правильного решения данных вопросов, вышеназванные ученые нашли выход в трактовке алан и осетин как двух различных, хотя и родственных, частей одного народа [19, 18].

Австрийский исследователь **Роберт Блайхштайнер** в своей работе «*Das Volk der Alanen*», вышедшей в Вене в 1918 г., называет осетин потомками сакского (скифского) народа, жившего некогда на Понте, чей язык, «как выяснилось из собственных имен, был предшественником осетинского. Этот народ с I в. н.э. выступает под именем алан, которое восходит к имени ариа, как называют себя восточные осетины». Вместе с тем, он отметил недопустимость полного отождествления алан с саками, так как «в состав алан вошло некоторое количество иноязычных племен, в особенности кавказских». Тем самым Р. Блайхштайнер объяснял наличие определенного количества неиндоевропейских слов в осетинском языке [31].

Г. В. Вернадский интересовался алано-славянскими связями. В истории ранних славян огромную роль он отводил Кавказу. Из «коренных племен Северного Кавказа», являющихся «особенно важными для изучающего русскую историю», исследователь выделил именно осетин (алан) «из-за их ранних и близких связей с русскими» [32, 375-376].

Таким образом, в дореволюционной исторической науке превалировало мнение, высказанное Я. Потоцким и Ю. Клапротом, затем развитое вначале А. Шёгреном, затем окончательно сформулированное В.Ф. Миллером, согласно которому осетины являются прямыми потомками северокавказских алан. Эта теория впоследствии стала доминирующей. Со временем ее поддержали многие российские, советские и западные ученые.

1. Бахрах Б. Аланы на Западе (от первого их упоминания в античных источниках до периода раннего средневековья). М.: Ард, 1993. 86 с.
2. Ковалевская В. Б. Аланы в Западной Европе. Сопоставление данных истории, археологии, лингвистики и антропологии // Аланы: Западная Европа и Византия/Отв. ред. В. Х. Тменов. Владикавказ: Сев.-Осет. ин-т гуманитарных исследований, 1992.
3. Лебединский Я. Сарматы и аланы в Галлии IV-V вв. История и наследство/Серия «Алано-Кавказская библиотека». Владикавказ: Проект-Пресс, 2016.
4. Миллер Г. Ф. О народах, издревле в России обитавших. СПб.: Тип. Академии наук, 1773. 150 с.
5. Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси: Мецниереба, 1966. 258 с.
6. Potocki J. Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase. Paris, 1829. Т. I-II.
7. Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.)/Сост. Б. А. Калоев. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. 319 с.
8. Русско-осетинские отношения в XVIII в.: Сборник документов в 2-х т./Сост. М. Блиев. Орджоникидзе: Ир, 1984. Т. 2. 1764-1784 гг. 455 с.
9. Историкогеографические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским. СПб.: Типография Шнора, 1810. 121 с.
10. Гильденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб.: Императорская Академия Наук, 1809. 392 с.
11. Montpéroux F. D. de. Voyage autour du Caucase: chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie et en Crimee: avec un atlas géographique, pittoresque, archeologique, geologique, etc. Paris, 1840. Т. IV. 562 p.
12. Гакстгаузен А. Закавказский край. СПб.: Типография Главного Штаба Е. И. В. по военно-учебным заведениям, 1857. Ч. 2. 215 с.
13. Шёгрэн А. М. Осетинские исследования/Сост. и перев. Т. Т. Камболов. Владикавказ: СОГУ, 1998. 172 с.
14. Saint-Martin V. de. Recherches sur les populations primitives et les plus anciennes traditions du Caucase. Paris: A. Bertrand, 1847. 201 p.
15. Charpentier J. Die ethnographische Stellung der Tocharer // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1917. Bd. 71. S. 347-389.
16. Обзорение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях, произведенное и изданное по высочайшему соизволению. В 4 ч. СПб.: Типография Департамента внешней торговли, 1836. Ч. II. 401 с.
17. Бларамберг И. Кавказская рукопись. Историческое и этнографическое описание народов Северного Кавказа. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1992. 239 с.
18. Шафарик П. Й. Славянские древности: В 2 т. (Slovanské starožitnosti)/Пер. с чешского О. М. Бодянского. 2-е изд. М.: Университетская типография, 1847.
19. Гутнов Ф. Х. Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории. Владикавказ: Ир, 2001. 62 с.
20. Пфаф В. Б. Материалы для древней истории осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. IV; 1871. Вып. V.

21. Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке [Библиографический обзор] // Кавказский этнографический сборник. М., 1958. Т. II. С. 139-274.
22. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах/Сост. Л. А. Чибиров. Владикавказ: Проект-Пресс. 2-е изд. 2014. Т. 1. 840 с.
23. Шамелишвили Р. Илья Чавчавадзе о предках осетин // Фидиуæг. Цхинвали, 1963. № 4. (на осет. яз.).
24. Miller W. Die Sprache der Osseten // Grundriss der iranischen Philologie. Bd. I. Suppl. Straßburg: Trübner, 1903.
25. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. В 3 ч. М., 1887. Ч. 3.
26. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. В 2 т. М.: Тип. В. Гатцук, 1886. Т. 1. 340 с.
27. Hübschmann H. Etymologie und Lautlehre der ossetischen Sprache. Strassburg, 1887.
28. Müllenhoff K. V. Deutsche Altertumskunde. Berlin, 1892. Bd. III.
29. Кулаковский Ю. А. Аланы по сведениям классических византийских писателей // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Киев: Типография Императорского Университета св. Владимира Н. Т. Корчак-Новицкого, 1899. Кн. 13. Отд. II. С. 94-168.
30. Кулаковский Ю. А. Христианство у Алан // Византийский временник. 1898. Т. 5. Отд. I. С. 1-18.
31. Bleichsteiner R. Das Volk der Alanen // Berichte des Forschungen Institut für Osten und Orient. Wien, 1918. Bd. 2. S. 4-16.
32. Вернадский Г. В. Киевская Русь/Пер. с англ. Тверь: Леан, М.: Аграф, 1996. 448 с.

Chibirov, Alexey L. — Centre of Scythian-Alanian Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS; chibiroff@mail.ru

THE ALANS-OSSETIANS IN RUSSIAN AND FOREIGN PRE-REVOLUTIONARY HISTORIOGRAPHY.

Keywords: *Alans, Ossetians, Yassi, Miller, Potocki, Klaproth, Haxthausen, Sjögren, Šafařík, Pfaf, Lavrov, Kovalevsky, Kulakovsky.*

The Alans, one of the most powerful political tribal confederations of the ancient times, have always stirred researchers' imagination. They left a significant mark in history, military arts, and culture not only within their habitat, in the south Russian steppes, but throughout Europe as well, in history and culture of the emerging civilization of the early Middle Ages where, being under pressure of the Huns, the majority of them was forced to migrate. The remaining part established an early-feudal state Alania in the Northern Caucasus and Ciscaucasian steppes. Among other things medieval Alanian tribes played a vital role in All-Caucasian and European history. Myths and legends on the origin of the Europeans vividly testify to this. This article is a short historiographic review of almost all the existing sources on Alanian-Ossetian succession. The researchers, whose views conform with the opinion of such continuity, ground their approach on several essential points: the Ossetian language that is deeply rooted in the Indo-Iranian world, Narts' epics and other prominent elements of the Ossetian spiritual culture.

REFERENCES

1. Bachrach, B. *Alany na Zapade (ot pervogo ikh upominaniya v antichnykh istochnikakh do perioda rannego srednevekov'ya)* [Alans in the West (from their first mention in ancient sources to the period of the early Middle Ages)]. Moscow, Ard, 1993. 86 p.

2. Kovalevskaya, V. B. *Alany v Zapadnoy Evrope. Sopotavleniye dannykh istorii, arkhologii, lingvistiki i antropologii* [Alans in Western Europe. Comparison of historical, archeological, linguistic and anthropological data]. Alany: Zapadnaya Evropa i Vizantiya. Otv. red. V. Kh. Tmenov [Alans: Western Europe and Byzantium. Ed. V. Kh. Tmenov]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanities, 1992.

3. Lebedinsky, Yu. A. *Sarmaty i alany v Gallii IV-V vv. Istoriya i nasledstvo* [Sarmatians and Alans in IV-V centuries Gaul. History and Inheritance]. *Seriya «Alano-Kavkazskaya biblioteka»* [Alano-Caucasus Library Series]. Vladikavkaz, Proekt-Press, 2016.

4. Miller, G. F. *O narodakh, izdrevle v Rossii obitavshikh* [About the peoples who lived in Russia since ancient times]. St. Petersburg, Tipografiya Akademii nauk, 1773. 150 p.

5. Gagloyti, Yu. S. *Alany i voprosy etnogeneza osetin* [Alans and questions of the Ossetian ethnogenesis]. Tbilisi, Metsniyereba, 1966. 258 p.

6. Potocky, J. *Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase*. Paris, 1829, t. I-II.

7. Kaloev, B. A. (comp.) *Osetiny glazami russkikh i inostrannykh puteshestvennikov (XI-II-XIX vv.)* [Ossetians viewed by the Russian and foreign travelers (XIII-XIX centuries)]. Ordzhonikidze, Severo-Osetinskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1967. 319 p.

8. Blied, M. M. (comp.) *Russko-osetinskiye otnosheniya v XVIII v.: Sbornik dokumentov v 2-kh t.* [Russian-Ossetian relations in the XVIII century: Collection of documents in 2 vols]. Ordzhonikidze, Ir, 1984, vol. 2. 1764-1784. 455 p.

9. *Istoriogeograficheskiye zapiski o stranakh, lezhashchikh mezhdum Chernym i Kaspiyskim* [Historical and geographical notes about the countries lying between the Black and Caspian seas]. St. Petersburg, Tipografiya Shnora, 1810. 121 p.

10. Güldenstädt, J. A. *Geograficheskoye i statisticheskoye opisaniye Gruzii i Kavkaza* [Geographical and statistical description of Georgia and the Caucasus]. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya Nauk, 1809. 392 p.

11. Montpéroux, F. D. de. *Voyage autour du Caucase: chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie et en Crimée: avec un atlas géographique, pittoresque, archéologique, géologique, etc.* Paris, 1840, t. IV. 562 p.

12. Haxthausen, A. *Zakavkazskiy kray* [Transcaucasian region]. St. Petersburg, Tipografiya Glavnogo Shtaba E. I. V. po voyenno-uchebnym zavedeniyam, 1857, part 2. 215 p.

13. Sjögren, A. M. *Osetinskiye issledovaniya* [Ossetian Studies. Comp. and transl. T. T. Kambolov]. Vladikavkaz, North Ossetian State University, 1998. 172 p.

14. Saint-Martin, V. de. *Recherches sur les populations primitives et les plus anciennes traditions du Caucase*. Paris, A. Bertrand, 1847. 201 p.

15. Sharrentier J. *Die ethnographische Stellung der Tocharer*. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 1917, bd. 71, s. 347-389.

16. *Obozreniye rossiyskikh vladeniy za Kavkazom v statisticheskoye, etnograficheskoye, topograficheskoye i finansovoye otnosheniyakh, proizvedennoye i izdannoye po vysochayshemu soizvoleniyu. V 4 ch.* [Review of the Russian possessions in Transcaucasia in statistical, ethnographic, topographic and financial terms, produced and published by the highest permission]. St. Petersburg, Tipografiya Departamenta vneshney torgovli, 1836, part II. 401 p.

17. Blaraberg I. *Kavkazskaya rukopis'. Istoricheskoye i etnograficheskoye opisaniye narodov Severnogo Kavkaza* [The Caucasian manuscript. Historical and ethnographic description of the peoples of the North Caucasus]. Stavropol, Stavropol'skoye knizhnoye izdatel'stvo, 1992. 239 p.

18. Šafařík, P. J. *Slavyanskiye drevnosti. V 2 t. (Slovanské starožitnosti)* [Slavic antiquities.

In 2 vols. (Slovanské starožitnosti). Transl. from Czech by O. Bodyansky. 2nd ed.]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1847.

19. Gutnov, F. Kh. *Ranniye alany. Problemy etnosotsial'noy istorii* [Ancient Alans. Problems of ethnosocial history]. Vladikavkaz, Ir, 2001. 62 p [.

20. Pfaf, V. B. *Materialy dlya drevney istorii osetin* [Materials for the ancient history of the Ossetians]. *Sbornik svedeniy o kavkazskikh gortsakh* [Collection of information about the Caucasian mountaineers]. Tiflis, 1870, iss. IV; 1871, iss. V.

21. Kosven, M. O. *Materialy po istorii etnograficheskogo izucheniya Kavkaza v russkoy nauke (Bibliograficheskiy obzor)* [Materials on the history of the ethnographic study of the Caucasus in Russian science (Bibliographical Review)]. *Kavkazskiy etnograficheskiy sbornik* [Caucasian ethnographic collection]. Moscow, 1958, vol. II, pp. 139-274.

22. Chibirov L. A. (comp.) *Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh* [Periodical press of the Caucasus about Ossetia and Ossetians. 2nd ed.]. Vladikavkaz, Proekt-Press. 2014, vol. 1. 840 p.

23. Shamelishvili, R. *I'ya Chavchavadze o predkakh osetin* [Ilya Chavchavadze about Ossetian ancestors]. *Fidiuæg* [Herald]. Tskhinvali, 1963, no. 4. (in Ossetian).

24. Miller, W. Die Sprache der Osseten. Grundriss der iranischen Philologie, bd. I, suppl. Straßburg, Trübner, 1903.

25. Miller, V. F. *Osetinskiye etyudy. V 3 ch.* [Ossetian etudes. In 3 parts]. Moscow, 1887, part. 3.

26. Kovalevsky, M. M. *Sovremennyy obyчай i drevniy zakon. Obychnoye pravo osetin v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii* [Modern custom and ancient law. Common law of the Ossetians in historical and comparative coverage. In 2 vols]. Moscow, Tipografiya V. Gattsuk, 1886, vol. 1. 340 p.

27. Hübschmann, H. Etymologie und Lautlehre der ossetischen Sprache. Strassburg, 1887.

28. Müllenhoff, K. V. Deutsche Altertumskunde. Berlin, 1892, bd. III.

29. Kulakovsky, Yu. A. *Alany po svedeniyam klassicheskikh vizantiyskikh pisateley* [Alans according to the classic Byzantine writers]. *Chteniya v istoricheskom obshchestve Nestora letopistsa* [Readings in the Nestor the chronicler historical society]. Kiev, Tipografiya Imperatorskogo Universiteta sv. Vladimira N. T. Korchak-Novitskogo, 1899, book 13, part II, pp. 94-168.

30. Kulakovsky, Yu. A. *Khristianstvo u Alan* [Christianity of the Alans]. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantine chronicle]. 1898, vol. 5, part I, pp. 1-18.

31. Bleichsteiner, R. Das Volk der Alanen. Berichte des Forschungen Institut für Osten und Orient. Wien, 1918, bd. 2, s. 4-16.

32. Vernadsky, G. V. *Kiyevskaya Rus'* [Kievan Rus]. Tver, Lean, Moscow, Agraf, 1996. 448 p.